

УДК 94(420).082

ЗАШИХИН Андрей Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 61 научной публикации

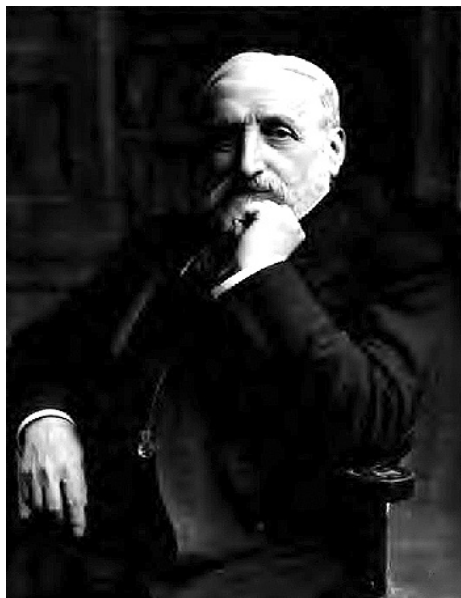
Д.М. УОЛЛЕС И АНГЛО-РУССКАЯ АНТАНТА 1907 ГОДА

В статье анализируется деятельность британского журналиста и эксперта по России Дональда Мэкензи Уоллеса, выступавшего в 1906–1907 годах в качестве неофициального советника британского посла в Петербурге Артура Никольсона и способствовавшего британо-российскому сближению 1907 года.

Ключевые слова: *российско-британские отношения, дипломатия, журналистика, политическая информация.*

В современной историографии англо-русской Антанты 1907 года особо отмечается, что помимо дипломатов свой вклад в достижение этого исторического соглашения внесли журналисты, причем «главным образом с английской стороны»¹. Активность журналистов не сводилась только к их сугубо профессиональной деятельности по информированию общественности и влиянию на общественное мнение через прессу. Случалось, что журналисты выступали в роли непубличных экспертов и даже выполняли при этом некие конфиденциальные поручения, исходившие в том числе из самых высоких сфер. Примером тому является заслуживающая с этой точки зрения особого внимания деятельность британского журналиста Д.М. Уоллеса.

Дональд Мэкензи Уоллес (1841–1919) на протяжении своей жизни был связан с газетой «Таймс»: еще в 1877–1878 годах он являлся ее

Дональд Мэкензи Уоллес

петербургским корреспондентом, в 1891–1899 годах заведовал иностранным отделом газеты, в 1905 году в качестве корреспондента был в Портсмуте (США, штат Нью-Хэмпшир) во время мирной конференции Японии и России. Он имел репутацию эксперта по России. Еще до начала сотрудничества с «Таймс» Уоллес в молодые годы прожил несколько лет в России, занимаясь изучением этой страны. В 1877 году он опубликовал свой главный страноведческий труд «Россия», последующие дополненные издания которого выходили уже в начале XX века (в 1905 и 1912 годах).

В 1906–1907 годах Уоллес вновь приезжал в Россию еще три раза и продолжительное время находился в Петербурге. На этот раз формально он уже не был корреспондентом «Таймс». Истинные цели его пребывания в Петербурге в это время не были известны большинству его знакомых. Только спустя годы в печати появились намеки на то, что Уоллес выполнял в Петербурге некое особое поручение, исходившее от самого британского монарха. Как писал об Уоллесе в своих воспоминаниях бывший российский министр иностранных дел А.П. Извольский, «король Эдуард VII решил послать его <...> с конфиденциальной миссией в Петербург. Миссия заключалась в том, чтобы ознакомиться с внутренним положением России, которое причиняло много заботы в Лондоне, и служить в качестве советника сэру Артуру Никольсону, который был недавно назначен на свой пост и не был еще *au courant* [в курсе. – А.З.] положения вещей в России»². Позднее то обстоятельство, что Уоллес находился в Петербурге в качестве особого советника посла по личному поручению самого Эдуарда VII, было признано и в официальной истории газеты «Таймс»³.

Почему именно на Уоллеса была возложена столь ответственная миссия? Мэкензи Уоллес, как уже отмечалось, считался в Англии признанным экспертом по России. Он пользовался безусловным доверием в высших британских сферах и уже не раз к тому времени выполнял ответственные поручения. Еще в 1880-е годы он был «частным секретарем» вице-короля Индии,

в 1901 году сопровождал будущего короля Георга V в его поездке по британским доминионам. Именно Уоллес был прикомандирован британской стороной к Николаю Александровичу, когда тот (тогда еще великий князь и наследник российского престола) путешествовал зимой 1890/91 года по Индии и Цейлону. Уоллесу удалось заслужить расположение цесаревича, и с тех пор британец считался «другом» Николая. Если добавить к этому, что Уоллес свободно говорил по-русски, лично знал многих российских деятелей и, по словам Извольского, «имел знакомства во всех классах русского общества»⁴, станет ясно, что более подходящей кандидатуры для «конфиденциальной миссии» в Петербурге едва ли можно было желать. Будучи известен как журналист, Мэкензи Уоллес мог действовать, не вызывая подозрений и не привлекая к себе какого-то особого внимания, и благодаря своей общительности и связям мог получать столь необходимую британской стороне информацию.

Степень влияния советов Мэкензи Уоллеса на посла Никольсона во многом зависела от характера личных отношений между ними. Немаловажное значение имело то обстоятельство, что Никольсон и Уоллес были старыми знакомыми. Никольсон познакомился с Уоллесом, когда тот был еще корреспондентом «Таймс» в Константинополе в конце 1870-х годов. До назначения Никольсона послом в Петербург и прибытия туда Уоллеса они еще более сошлись на Альхесирасской конференции по Марокко в 1906 году, когда Никольсон был послом в Испании. Любопытно, что германские дипломаты тогда были убеждены: Уоллес послан в Альхесирас, чтобы «присматривать» за Никольсоном⁵. В этой связи могло возникнуть предположение, что нечто подобное входило и в круг его обязанностей в российской столице. Тем более что во взглядах Никольсона и Уоллеса на внутреннее положение России в начальный период деятельности нового британского посла в Петербурге наблюдались заметные расхождения.

По словам биографа английского дипломата, Артур Никольсон, будучи по своим убеждениям британским либералом, инстинктивно

симпатизировал Думе и чувствовал отвращение к бюрократам типа И.Л. Горемыкина⁶. Неудивительно, что политические симпатии британского посла были на стороне российской либеральной оппозиции и ее наиболее организованной и влиятельной тогда партии – кадетов. Эти «инстинктивные симпатии» легко могли вызвать недооценку степени жизнеспособности царского режима и в свою очередь отрицательно сказаться на британо-российских межгосударственных отношениях.

В таких условиях Уоллес играл роль своего рода скептика, который с пессимизмом воспринимал возможность скорого завоевания российскими либералами реальной государственной власти и был убежден в относительной устойчивости самодержавия, несмотря на все переживаемые потрясения. Столь же скептически расценивал Уоллес и возможности революционного движения в России. До 1905 года он вообще отрицал вероятность скорой революции в Российской империи.

После бурных событий 1905 года Уоллес вынужден был признавать свои ошибки. «Вы вполне правы (и у меня нет колебаний в признании того), – писал он из Петербурга директору-распорядителю «Таймс» Моберли Беллу 8 августа 1906 года, – что в моих прежних суждениях я делал серьезную ошибку, которая состояла в недооценке силы и скорости революционного потока и, следовательно, в предсказании <...>, что в *наше* время не будет революции в России»⁷. В том же письме Уоллес отказался от предложения Белла напечатать в «Таймс» свои письма о положении в России, заявив, что не чувствует уверенности в «овладении предметом». Однако эти самокритичные признания отнюдь не мешали ему внушать Никольсону свои взгляды, которые в принципе мало изменились. Уоллес по-прежнему скептически оценивал как силы революции в России, так и потенции либеральных деятелей⁸.

Влияние Уоллеса на британского посла вскоре дало о себе знать. «Сэр Артур Никольсон сначала целиком встал на сторону левых; позднее его другу Мэкензи Уоллесу удалось убедить его

занять более осторожную позицию», – сообщал временный поверенный в делах Германии в России⁹. Со временем Уоллес смог повлиять и на редакцию «Таймс». Если до того симпатии к российской либеральной оппозиции и в особенности кадетам достаточно отчетливо проявлялись в редакционных комментариях и в телеграммах из Петербурга корреспондента «Таймс» Р. Вильтона, то к концу 1906 года позиция «Таймс» претерпела изменения.

Какую же информацию и каким путем добывал Уоллес в Петербурге? Общую и весьма выразительную характеристику деятельности Мэкензи Уоллеса в Петербурге дал сын английского дипломата историк Гарольд Никольсон в книге о своем отце. «Почти семь месяцев этот ученый-публицист, – писал Г. Никольсон об Уоллесе, – проживал в британском посольстве, добывая информацию из источников, обычно закрытых для дипломатов, попыхивая огромными сигарами в красные шелковые занавески своей спальни, читая революционные брошюры, нанося визиты Витте, Милюкову и реакционерам, посещая тайные собрания социал-демократов»¹⁰. Здесь по существу перечислены основные направления деятельности Уоллеса, которые (за исключением, может быть, последнего) документально подтверждаются источниками.

Мэкензи Уоллес встречался в Петербурге с видными государственными и политическими деятелями, и их суждения, в особенности если они совпадали с точкой зрения самого Уоллеса, незамедлительно становились известны Никольсону. Красноречивое подтверждение тому – запись от 13 ноября 1906 года из дневника британского посла: «Уоллес имел длинную беседу с Витте, но главным образом о прошлом. Витте считает, что настоящая революция была в течение октября, ноября и декабря 1905 года и потерпела крах в этот последний месяц благодаря неудаче московского восстания. Он объяснил, что войск в распоряжении правительства было недостаточно, и оно не могло вернуть войска из Сибири из-за железнодорожной забастовки и неурядиц. Правительство было в замешательстве и очень слабо, общество «сошло с ума».

Он сомневается, сможет ли подобная ситуация так просто повториться вновь. Он сетовал на реакционный и мистический характер императрицы, которая плохо влияет на царя...»¹¹

Уоллес неоднократно встречался с П.А. Столыпиным. По словам другого британского журналиста и эксперта по России, Бернарда Пэйрса, который тогда также был в Петербурге, Уоллес имел со Столыпиным «важные беседы». Пэйрс утверждал, что на этих беседах «несомненно основана большая часть дружелюбия, которое позднее Столыпин выражал Англии»¹².

Встречался Уоллес и с А.П. Извольским, который нашел в нем «единомышленника». Российский министр иностранных дел проникся к британскому журналисту таким доверием, что, по собственному признанию, «сообщал ему о своих переговорах по вопросу об образовании коалиционного кабинета»¹³. Наконец, за время пребывания Уоллеса в Петербурге в 1906–1907 годах его неоднократно принимал и сам Николай II, что фиксировала официальная газетная хроника «Придворные известия»¹⁴.

Мэкензи Уоллес черпал информацию не только из бесед с государственными и политическими деятелями. Он внимательно изучал российскую прессу, нелегальную литературу, программные документы политических партий и делал затем аналитические обзоры и выкладки о расстановке политических сил в стране. Об этом направлении деятельности Уоллеса позволяют судить его папки-тетради с «русскими документами», хранящиеся в библиотеке Кембриджского университета¹⁵.

Содержание папок дает представление о круге интересов британского наблюдателя. Здесь и сведения о Государственной Думе, составляющие своего рода справочник «Кто есть кто». Среди собранной Уоллесом информации о нелегальных партиях есть и коллекция революционных прокламаций: социал-демократов (12 экз.), эсеров (10 экз.), максималистов (3 экз.), «боевых организаций» (17 экз.), анархистов (8 экз.), польских социал-демократов (3 экз.). Интересно, что прокламации Уоллес получил в подарок от Столыпина в июне 1907 года.

Изучение революционного лагеря подвело Уоллеса к заключению, что силы левых радикалов в России слишком разобщены и внутренние противоречия не позволят им объединиться для совместного успешного натиска на самодержавие. Этот вывод должен был подкрепить тезис о жизнеспособности царского правительства, который Уоллес внушал Никольсону.

Свои аргументы Мэкензи Уоллес оттачивал в дискуссиях с коллегами – британскими журналистами в Петербурге. Б. Пэйрс приводит в воспоминаниях любопытный эпизод. В июле 1906 года (вскоре после роспуска I Думы) он зашел в британское посольство, где впервые встретился с Уоллесом. Посол Никольсон заставил Пэйрса спорить с Уоллесом по поводу Выборгского воззвания: Уоллес осуждал акцию разогнанных думцев, а Пэйрс должен был приводить аргументы в ее защиту¹⁶. Вероятно, подобный «диспут» не был единичным явлением.

Неуместным и даже вредным, по мысли Уоллеса, выражением симпатий к российской либеральной оппозиции мог стать намечавшийся в 1906 году визит в Петербург британской общественной депутации для передачи адреса поддержки председателю распушенной Думы С.А. Муромцеву. Уоллес, судя по всему, приложил усилия, чтобы расстроить планы этого визита. Рекомендации Уоллеса получили высокую оценку в российских правительственных кругах. Сообщая о беседе с А.П. Извольским, британский посол в Берлине Ф. Лассельс писал 29 октября 1906 года Э. Грею о том, что российский министр иностранных дел «был поражен восхитительным способом, которым английскую депутацию, намеревавшуюся посетить Россию, отговорили от выполнения своего намерения»¹⁷. Извольский приписывал эту заслугу благоразумию корреспондентов английских газет и британской колонии в целом, а также «может быть, более всего, присутствию в Петербурге сэра Дональда Мэкензи Уоллеса, который был способен дать хороший совет»¹⁸.

Взгляды Уоллеса на внутреннее положение России получали распространение не только среди обитателей британской колонии в Петер-

бурге. Суждения Уоллеса доходили до редакции «Таймс». Проникали они и в Сити. «Ротшильды, как можно догадываться, получали подобные сведения из очень высокого источника», – говорится по этому поводу в официальной истории «Таймс»¹⁹. Здесь содержится намек на то, что своеобразным посредником в распространении экспертных оценок и прогнозов Уоллеса среди влиятельных банкиров служил сам Эдуард VII, с которым Мэкензи Уоллес состоял все это время в регулярной переписке через королевского секретаря лорда Ноллиза²⁰.

Деятельность Мэкензи Уоллеса в Петербурге в 1906 и 1907 годах, таким образом, бесспор-

но влияла на происходившую в британских высших сферах переоценку событий внутренней жизни России. Суть этой переоценки заключалась в переориентации с кадетов на Столыпина, что в конечном итоге прокладывало путь к англо-русской Антанте 1907 года. В последующие годы Мэкензи Уоллес будет продолжать содействовать сближению Британии и России, которые спустя семь лет станут военными союзниками в Первой мировой войне. Причем ему еще суждено будет увидеть и крушение этого союза в результате революционных потрясений 1917 года в России. Но это уже тема для отдельного исследования.

Примечания

¹ *Сергеев Е.Ю.* Англо-русская Антанта 1907 года: мифы и реальность // Россия и Британия. Вып. 5: На путях к взаимопониманию. М., 2010. С. 57–58.

² *Извольский А.П.* Воспоминания. М.; Пг., 1924. С. 132.

³ *The History of The Times.* London, 1947. Vol.III. P. 479.

⁴ *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 132.

⁵ *Nicolson H.* Sir Arthur Nicolson, Bart. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. London, 1930. P. 171.

⁶ *Ibid.* P. 224.

⁷ *The History of The Times.* Vol.III. P. 486–487.

⁸ О взглядах Д. Мэкензи Уоллеса на положение в России см. исследование английского историка: *Harrison W. Mackenzie Wallace's View of the Russian Revolution of 1905–1907* // *Oxford Slavonic Papers.* 1971. N.S. Vol. IV. P. 73–82.

⁹ *Nicolson H.* Op. cit. P. 224.

¹⁰ *Ibid.* P. 212.

¹¹ *Ibid.* P. 245. Интересно отметить, что впоследствии в своих мемуарах С.Ю. Витте дал любопытную, но вместе с тем крайне субъективную характеристику самого Уоллеса: «Может быть он хороший публицист, но что касается России, то всегда делал о ней самые превратные сообщения своим соотечественникам. Он хорошо говорит по-русски, но имеет слабость к аристократизму; будучи в России, проживает у аристократических семейств, яхшается только с высшим обществом, а потому bona fide [на веру. – А.З] принимает за истину все, что там слышит, и сообщает этот материал своим соотечественникам» (Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. II. С. 414). Столь нелестное суждение об Уоллесе объясняется довольно просто: Витте до конца жизни не мог простить британскому журналисту, что во время Портсмутской конференции Уоллес предрекал ей неудачу и пророчил крах миссии самого Витте.

¹² *Pares B.* My Russian Memoirs. London, 1931. P. 125.

¹³ *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 132.

¹⁴ Правительств. вестн. 1906. 26 июля (8 авг.); 11 (24) нояб.; 1907. 20 марта (2 апр.); 27 мая (9 июня).

¹⁵ Общий обзор папок-тетрадей Уоллеса был дан в кн.: *The History of The Times.* Vol. III. P. 834–835.

¹⁶ *Pares B.* Op. cit. P. 125.

¹⁷ *British Documents on the Origins of the War: 1898–1914.* London, 1929. Vol. IV. № 234. P. 247.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *The History of The Times.* Vol. III. P. 486.

²⁰ *Lee S.* King Edward VII: A Biography. London, 1927. Vol. II. P. 568, 570. Письма Уоллеса лорду Ноллизу, фотокопии которых впоследствии отложились в архиве «Таймс», использованы в исследовании У. Гаррисона (*Harrison W.* Op. cit.).

Zashikhin Andrey Nikolaevich

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Institute of Social,
Humanitarian and Political Sciences

D.M. WALLACE AND THE ANGLO-RUSSIAN ENTENTE OF 1907

The article analyzes activities of a British journalist and expert on Russia Donald Mackenzie Wallace who in 1906–1907 acted as an unofficial adviser of the British Ambassador in St. Petersburg Arthur Nicolson and promoted the Anglo-Russian Rapprochement of 1907.

Key words: *Russian-British relations, diplomacy, journalism, political information.*

*Контактная информация:
e-mail: z150@pomorsu.ru*

Рецензент – *Голдин В.И.*, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и международных отношений института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова